

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

А
РУССКІЙ

N 63
43

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ,

ИЗДАЕМЫЙ,

сѢ ВЪСОЧАЙШАГО соизволенія,

ВАСИЛЕМЪ ТИММОМЪ.

N 1/36

(Одиннадцатый годъ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

**О ПОЗАИМСТВОВАНИИ
ПОРТРЕТОВЪ И РИСУНКОВЪ ИЗЪ РУССКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЛИСТКА.**

Издающій, съ Высочайшаго соизволенія, Русскій Художественный Листокъ, академикъ Василій Тиммъ, въ представленной Г. Министру Императорскаго Двора запискѣ, изъяснилъ, что многія лица, особенно въ Москвѣ, постоянно заимствуютъ, для періодическихъ и отдѣльныхъ изданій, помѣщаемые въ Художественномъ Листкѣ портреты и рисунки, безъ указанія источника и безъ дозволенія его, Тимма; почему онъ и просилъ объ исходатайствованіи повелѣнія, дабы лица, желающія заимствовать изъ сего Листка рисунки и портреты, для выпуска въ свѣтъ, дѣлали это не иначе, какъ съ дозволенія самого издателя Художественнаго Листка.

По всеподданнѣйшему о семъ докладу, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, принимая просьбу Тимма уважительною, Высочайше повелѣть соизволилъ привести оную въ исполненіе.

Принимая во вниманіе, что художественная собственность вполнѣ ограждена у насъ особыми правилами, изложенными въ Св. Зак. (изд. 1842 г.) Тома XIV въ Уставѣ пред. прест. Прил. къ ст. 147, 2 прим. къ стат. 295 (по VII прод.), и что охраненіе сихъ правъ предоставлено полицейскимъ и судебнымъ мѣстамъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ о вышеозначенномъ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ для свѣдѣнія и ценсурному вѣдомству, увѣдомилъ гг. начальниковъ губерній.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ
Санктпетербургъ, 30-го Декабря 1860 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 1. 30

1-го ЯНВАРЯ.

1861 года.

А С С А М Б Л Е И

ПРИ

П Е Т Р Ъ В Е Л И К О М Ъ.

Въ наше время, когда съ такимъ воодушевленіемъ развивается вопросъ объ эмансипаціи женщинъ, едва ли было бы умѣстно распространяться о вліяніи ихъ на общественную жизнь. Но чтобы понять все значеніе, которое имѣли предписанныя Петромъ Великимъ *Ассамблеи*, чтобы представить себѣ тотъ переворотъ, который онѣ должны были произвести въ однообразной, азіатской жизни русскихъ вельможъ, мы считаемъ необходимымъ взглянуть на семейный и общественный бытъ русской женщины допетровскихъ временъ. Конечно взглядъ этотъ далеко не можетъ быть полнымъ, по недостатку точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, но и по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ и намекамъ, которые дошли до насъ, довольно рельефно обрисовывается положеніе русской женщины въ эту отдаленную эпоху.

Маркъ Фоскарино, пріѣхавшій къ намъ посломъ изъ Венеціи, въ запискахъ своихъ о Россіи (*), изданныхъ имъ въ 1557 году, между прочимъ, говоритъ: «Дѣвицы и жены у Московитовъ не имѣютъ никакого почета: онѣ здѣсь не выше рабынь. Мужское поколѣніе Московитовъ чрезвычайно ревниво: оно не позволяетъ женскому полу являться не только на пирѣ, но даже ходить въ церковь и выступать за ворота своего дома. Несмотря на это, побѣды дешево достаются надъ нѣкоторыми». Въ какой степени справедливо послѣднее свидѣтельство, мы рѣшить не беремся; но если оно и принадлежитъ къ числу хвастливыхъ и желчныхъ показаній иноземца о чужбинѣ, то, по крайней мѣрѣ, при тогдашнемъ положеніи женщины въ Россіи, правдоподобно и психологически вѣрно.

Другой иностранный писатель о Россіи, командиръ первой роты тѣлохранителей Лжедмитрія I, французскій капитанъ Маржерэ (Margeret) или Маржерэ, но никакъ не Маржеретъ, какъ его у насъ обыкновенно называютъ, въ запискахъ своихъ объ эпохѣ самозванца (**), сообщая болѣе подробныя свѣдѣнія о русскихъ женщинахъ, подтверждаетъ свидѣтельство Фоскарино объ ихъ затворничествѣ. «Знатныя дамы и дѣвицы, говоритъ Маржерэ, ѣздятъ лѣтомъ въ колымагахъ, а зимой въ возкахъ (***), исключая тѣ случаи, когда царица отправляется за городъ. Тогда за ея каретой слѣдуютъ многія женщины, сидящія на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины. Всѣ онѣ въ шля-

пахъ изъ бѣлаго войлока, которыя сходны со шляпами католическихъ епископовъ и аббатовъ, надѣваемыми во время ихъ прогулокъ за городъ. Всѣ дамы и дѣвицы одѣты въ длинный, изъ красиваго сукна, опашень, то есть, плащъ съ рукавами, который также широкъ у плечъ, какъ у подола. Подъ этимъ опашнемъ надѣто платье изъ шелковой матеріи съ широкими рукавами, въ локоть парижской шириною, съ парчевыми нарукавниками; на головѣ шапочка, вышитая жемчугомъ, если особа, ее носящая, принадлежитъ къ числу дамъ; но если она дѣвица, то она носитъ высокую шапку изъ мѣха черныхъ лисицъ, подобную тѣмъ собольинымъ и бобровымъ шапкамъ, которыя надѣваютъ бояре при встрѣчѣ иностранныхъ пословъ. Правомъ употреблять шапки изъ черныхъ лисицъ пользуются и бездѣтныя дамы. Каждая женщина и дѣвица носитъ на шеѣ ожерелье въ четыре толстыхъ пальца шириною, и серьги съ очень длинными подвѣсками. Женщины и дѣвицы обуты въ сафьянные сапожки краснаго или желтаго цвѣта, съ высокими, въ три пальца вышиною, каблучками, подбитыми подковками изъ магеръ польскихъ или венгерскихъ сапоговъ. Всѣ онѣ румянятся; но очень неискусно, и притомъ считаютъ, что стыдно не румяниться и старой, и молодой, и богатой, и бѣдной. Всѣхъ ихъ держатъ въ заперти, подъ неусыпнымъ надзоромъ. Женщины и дѣвицы живутъ въ отдѣльныхъ строеніяхъ или комнатахъ отъ мужчинъ. Ихъ никто не видитъ никогда, кромѣ самыхъ близкихъ родственниковъ, и если кто покажетъ жену свою пріятелю, то это считается величайшею милостью».

Не въ болѣе утѣшительномъ свѣтѣ представляется положеніе русскихъ женщинъ и современникъ царя Алексѣя Михайловича, подьячій Григорій Карповичъ Кошкинъ (*). Въ праздничные и другіе торжественные дни, по свидѣтельству Кошкина, бояре и вообще люди съ вѣсомъ и состояніемъ, приглашали къ себѣ гостей къ обѣду, за которымъ у нихъ бывало кушанье въ пятьдесятъ и даже сто. Передъ обѣдомъ хозяинъ приказывалъ женѣ своей выходить къ гостямъ *челомъ ударить*. Когда хозяйка входила въ столовую, то останавливалась на большомъ мѣстѣ, то-есть, въ углу, гдѣ виситъ кіота съ образами. Гости же становились противъ нея, у дверей. Хозяйка кланялась имъ *малымъ обычаемъ*, то-есть, въ поясъ. Всѣ гости, не исключая князей и важныхъ бояръ, окольных и думныхъ дьяковъ, отвѣчали ей поклономъ въ землю, т.-е., не сгибая погъ и держа высокую, соболью или бобровую шапку въ правой рукѣ, нагибались такъ, чтобы лѣвою рукою коснуться пола, что было не легко для вельможъ XVII вѣка, когда толщина и дородство составляли необходимое украшеніе высокаго сана. Затѣмъ хозяинъ совершалъ передъ гостями точно такой же поклонъ, прося ихъ, чтобы они *изволили жену его цѣловать*. По этикету того времени, гостямъ слѣдовало сказать: «Нѣтъ Иванъ Ивановичъ, или Петръ Петровичъ, ты прежде самъ свою сожительницу изволь поцѣловать, а мы, если дозволишь, послѣдуемъ за тобою». Хозяинъ, исполняя просьбу гостей, торжественно цѣловалъ тогда супругу свою. Потомъ и гости, по

(*) См. *Discorso della Moscovia di Marco Foscarino. 1557.*—Это сочиненіе не было извѣстно нашему незабвенному историографу Н. М. Карамзину.

(**) *Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie, avec ce qui s'y est passé de plus mémorable et tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606, en Septembre. Par le Capitaine Margeret. A Paris. 1669. Avec privilège du Roy.*

(***) Эти экипажи формою своею походили на нынѣшнія лазаретныя кареты.

(*) См. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Гр. Кошкина. Книга эта издана Археографическою комиссіею въ 1840 и 1860 годахъ.